Проблемы формирования стратегического нарратива БРИКС¹

С.В. Богданов

Богданов Сергей Викторович – к.и.н., доцент кафедры стратегических коммуникаций факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; E-mail: Bogdanov@sra.msu.ru

В течение последнего десятилетия БРИКС как объединение развивающихся стран стало заметным явлением на международной арене. В политических и экспертных кругах продолжаются дискуссии о перспективах БРИКС, его жизнеспособности, о том, насколько реальны возможности его дальнейшей институционализации и превращения в более интегрированный союз. Многие эксперты скептически относятся к перспективам БРИКС как влиятельного международного объединения вследствие замедления темпов экономического роста, асимметрии в экономическом потенциале, значительных различий в политических целях и стратегических культурах стран – членов «пятерки».

В этих условиях для повышения доверия и усиления влияния необходима разработка коммуникационной стратегии БРИКС. Первым шагом может стать формирование стратегического нарратива, который является смысловой платформой для выработки отношения к ключевым вопросам повестки дня, определяет отношение к прошлому и образ будущего, описывает идентичность субъекта коммуникации. Фактически стратегический нарратив представляет собой идеальную платформу для разработки концепции позиционирования – важного компонента коммуникационной стратегии. Стратегический нарратив дает возможность сформировать базовый дискурс и ключевые сообщения, которые могут транслироваться по разным каналам коммуникации.

В статье определены контуры стратегического нарратива БРИКС на основе моделей стратегического нарратива [Miskimton, O’Loughlin, 2017a; 2017b] и биографического нарратива [Verenskoetter, 2014]. Применительно к БРИКС рассмотрены основные компоненты стратегического нарратива (нарратив международной системы, нарратив идентичности, проблемные нарративы) и биографического нарратива (история (миф) о создании, видение прошлого, образ будущего, пространственное измерение, отношения с другими странами и сообществами). Содержится анализ соотношения и взаимовлияния стратегического нарратива и стратегической культуры. Показано, какие компоненты стратегического нарратива уже разработаны, а также определены направления дальнейшей работы по формированию стратегического нарратива.

В исследовании использовался конструктивистский подход, в соответствии с которым стратегический нарратив рассматривался в качестве социального конструкта, разработанного для достижения стратегических целей, и холистический подход, в рамках которого различные сферы деятельности БРИКС изучались как взаимосвязанные. Кроме того, в работе использованы методы контент-анализа документов саммитов БРИКС в Сямэне в 2017 г. и в Йоханнесбурге в 2018 г., а также текстов выступлений руководителей стран БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС; стратегические нарративы; стратегические коммуникации; международные отношения

Для цитирования: Богданов С.В. (2019) Проблемы формирования стратегического нарратива БРИКС // Вестник международных организаций. Т. 14. № 2. С. 173–190 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-07.

¹ Статья поступила в редакцию в январе 2018 г.

В настоящее время все более заметной в исследованиях по политическим и международным коммуникациям становится концепция стратегического нарратива. В самом общем виде стратегический нарратив представляет собой «средство, с помощью которого политические акторы пытаются сконструировать общее видение прошлого, настоящего и будущего международной политики с целью формирования желаемого поведения со стороны внутренних и международных акторов» [Miskimmon, O'Loughlin, 2017a]. Стратегический нарратив создает рамки, предназначенные для того, чтобы люди имели возможность понимать значение событий, происходящих в мире [Roselle, 2010]. В том случае, если субъектом коммуникации является государство, стратегический нарратив включает в себя истории, рассказываемые от имени государства, направленные на достижение определенных целей и оказывающие влияние на восприятие интересов государства, а также на формирование представлений о том, как государство функционирует и как оно должно функционировать [Antoniades et al., 2010].

Таким образом, стратегический нарратив можно определить как совокупность взаимосвязанных историй, формирующих определенные образы прошлого, настоящего и будущего, предназначенных для управления восприятием целевых аудиторий и направленных на достижение стратегических целей.

Важный признак стратегического нарратива состоит в том, что он представляет собой когнитивный продукт, сконструированный для достижения стратегических целей. При этом стратегический нарратив обращается не только и не столько к логике, сколько к эмоциям, ценностям, архетипам культуры, мифам и историческим аналогиям. Таким образом, неотъемлемым компонентом стратегического нарратива является сторителлинг, представляющий собой более естественную и эффективную форму коммуникации, чем сухие, логически выстроенные и эмпирически обоснованные конструкции [Salmon, 2017]. Именно акцент на эмоциональное восприятие стал одним из факторов распространения фейковых новостей, которые на самом деле представляют собой «дистиллированный нарратив» и имеют целью поддержать уже сконструированные утверждения, а не информировать о событии [Khaldarova, Pantti, 2016, p. 893]. При этом важное отличие стратегического нарратива от сторителлинга состоит в том, что первый в большей степени направлен в будущее, чем в прошлое, и представляет собой концептуальные рамки для объяснения и интерпретации событий, которые еще будут происходить [Douglas, 2008]. Сила стратегических нарративов заключается в их способности мобилизовать целевые аудитории, даже при нехватке финансовых, материальных или военных ресурсов [Archetti, 2010]. Эффективный стратегический нарратив — это хороший способ для более слабого игрока получить конкурентное преимущество над сильным: «слабые мускулы, зато отличные истории» [Freedman, 2013, p. XI].

Влияние стратегического нарратива на расстановку сил и характер взаимоотношений в мировой политике определяется следующим обстоятельством: то, как международная система понимается, оказывает прямое влияние на то, каким образом она функционирует [Miskimmon, O'Loughlin, 2017a]. Система — это не что иное, как идея, развивающаяся во времени, приобретающая новые формы и включающая в себя разных акторов, которые ее реализуют. Томас Риссе дал следующее описание международной системы в 2010 г., остающееся актуальным и сегодня: «Мир 2010 г. все еще напоминает холодную войну и ее окончание. Основными структурирующими силами по-прежнему являются идеи и дискурсы. Единственное различие состоит в том, что мир больше не структурирован вокруг двух соревнующихся дискурсов, западного либерализма и восточного коммунизма. Намного больше идей борются за внимание и соревнуются за обладание властью убеждения» [Risse, 2011, p. 603]. Таким образом,

концепция стратегического нарратива дает возможность раскрыть процесс формирования, распространения и проецирования идей в международной политике.

Особую роль стратегические нарративы играют в современном мире, который характеризуется повсеместным распространением цифровых технологий и глобальной гиперподключенностью. Теперь акторы действуют в среде, наполненной бесконечным множеством информационных потоков. Стратегический нарратив — намного более гибкий инструмент, чем, например, идеологическая доктрина, и, таким образом, может стать эффективным механизмом продвижения интересов субъекта коммуникации в дифференцированной и подвижной информационной среде.

Несмотря на то что концепция стратегического нарратива разработана западными исследователями, она активно применяется в изучении незападных государств, таких, например, как Китай [Hartig, 2015; Zeng, 2017] и Индия [Natarajan, 2014]. В связи с этим возникает вопрос, в какой степени концепция стратегического нарратива, имеющая западное происхождение, может быть применима к странам БРИКС, которые не являются частью Запада, но при этом каждая страна обладает значительными культурно-историческими особенностями. Например, в Китае изучение процессов, описываемых в западной политической науке с помощью концепции стратегического нарратива, имеет определенную специфику. Среди китайских исследователей влиятельна точка зрения, согласно которой Китай должен развивать собственные теории, восходящие к древнекитайским канонам стратегического мышления, а не являющиеся результатом импорта западных концепций. Кроме того, в тех случаях, когда западные концепции используются, они подвергаются определенной корректировке. Это проявляется в широком использовании уточняющего дополнения «с китайской спецификой» для адаптации западного дискурса, а также в опоре на наследие Мао Цзэдуна, в частности его теорию «трех миров» [Zeng et al., 2015].

Вместе с тем представляется, что концепция стратегического нарратива может быть достаточно продуктивной для изучения стран БРИКС как минимум по двум причинам. Во-первых, все страны БРИКС интегрированы в мировую экономику и основные международные организации, и в них в той или иной степени функционируют институты, характерные для западных обществ. Во-вторых, именно в силу значительных особенностей каждой из стран БРИКС концепция стратегического нарратива является таким инструментом, который даст возможность выработать общий алгоритм позиционирования группы БРИКС на международной арене, несмотря на существенные различия между странами — членами «пятерки».

Собственно, такой алгоритм и может стать результатом разработки стратегического нарратива БРИКС, который в настоящее время находится на стадии формирования. При этом, несмотря на незавершенность, нарратив БРИКС уже выполняет перформативную функцию: акторы, воспринимающие мир через этот нарратив, действуют так, как будто нарратив реален, и таким образом способствуют его воплощению в жизнь [Miskimmon, O'Loughlin, 2017b]. В процессе анализа можно выделить три уровня стратегического нарратива: нарратив международной системы, нарратив идентичности и проблемные нарративы [Miskimmon, O'Loughlin, 2017a].

Нарратив международной системы

На первом уровне находится нарратив международной системы, который описывает ее структуру, ключевых акторов, основные тенденции, а также значимые конфликты и кризисные явления в мировой политике.

Каролин ван Ноорт в качестве системного нарратива БРИКС называет нарратив глобального восстановления, предполагающий реализацию принципов *good governance* в системе глобального управления посредством оживления экономического роста и реструктуризации многосторонних институтов, на основе «общей, но при этом дифференцированной ответственности» [Noort van, 2017, p. 124].

Развивая тезис, предложенный Каролин ван Ноорт, можно предположить, что принцип многосторонности представляет собой ключевой компонент нарратива международной системы, который предлагает БРИКС. В преддверии саммита БРИКС в Уфе в 2015 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров охарактеризовал БРИКС как пример «новаторского подхода к выстраиванию многостороннего партнерства между крупными государствами, представляющими различные культуры и цивилизации», которое базируется на таких фундаментальных принципах, как равноправие, взаимный учет интересов, солидарность, взаимопонимание, открытость внешнему миру» [Лавров, 2015]. В декларации, принятой по итогам саммита БРИКС в Йоханнесбурге в 2018 г., подчеркивается принцип многосторонности и центральная роль ООН в международных делах, которая рассматривается как универсальная многосторонняя организация, обладающая мандатом по поддержанию международного мира и безопасности, содействию глобальному развитию и защите прав человека. В развитие принципа многосторонности участники БРИКС декларируют приверженность многосторонним институтам глобального управления («Группа двадцати», МВФ, ВТО), а также готовность оказать поддержку региональным инициативам в поддержку многосторонней системы [БРИКС, 2018].

Нарратив идентичности

Нарратив идентичности описывает фундаментальные ценности и ключевые признаки, определяющие уникальность субъекта международных отношений и составляющие смысловую основу для его позиционирования на международной арене. В нарративе идентичности раскрывается содержание политического курса, методов и технологий, используемых для достижения стратегических целей.

Нарратив идентичности включает в себя несколько компонентов. Первый из них характеризует функционирование субъекта коммуникации в данный момент. Остальные компоненты описывают образы прошлого и будущего, а также акцентируют внимание на коммуникационном эффекте, который вызывается территориальным расположением сообщества. Для их рассмотрения можно использовать концепцию биографического нарратива [Berenskoetter, 2014], структура которого выглядит следующим образом: история о создании сообщества; значимый опыт в прошлом; взгляд в будущее; пространственное измерение нарратива; отношения с другими сообществами.

Нарратив инклюзивного участия

Рассматривая нарратив идентичности БРИКС, Каролин ван Ноорт определяет его как нарратив инклюзивного участия. При этом она полагает, что нарратив международной системы и нарратив идентичности БРИКС тесно связаны между собой, так как страны «пятерки» рассматривают инклюзивное участие как необходимое условие устойчивого развития и глобального восстановления. Ядром нарратива идентичности БРИКС является равенство, предполагающее «честную игру вместо самоутверждения» [Noort van, 2017, p. 124].

Идея равенства действительно является фундаментальной для БРИКС. В документах саммитов и выступлениях руководителей стран БРИКС используются такие базовые для определения идентичности понятия, как «дух БРИКС» и «философия БРИКС», под которыми понимается дух взаимного уважения и взаимопонимания, равенства, солидарности, открытости, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества.

Помимо этого, в состав нарратива инклюзивного участия можно включить следующие компоненты:

1. Идея совместных действий. Президент России Владимир Путин в своем выступлении на саммите БРИКС в Сямэне 4 сентября 2017 г. подчеркнул: «Мы совместно ищем ответы на наиболее острые вызовы и угрозы миру и стабильности. Наши страны коллективно решают такие важные социально-экономические задачи, как модернизация национальной промышленности, развитие высоких технологий, а также укрепление конкуренции и повышение уровня жизни наших граждан» [Путин, 2017].
2. Концепция «мягкого восхождения», предложенная председателем Национального комитета по исследованию БРИКС Вячеславом Никоновым. По его мнению, парадигма «мягкого восхождения» является беспрецедентной в истории человечества, так как она «не связана с насилием, войнами и гегемонистскими устремлениями новых претендентов на мировое влияние» [Никонов, 2012].
3. БРИКС как платформа гибкого взаимодействия. Сообщество БРИКС не похоже на вертикально интегрированные структуры западного мира. БРИКС принципиально неиерархичен [Виноградов, 2013]. Эксперты определяют БРИКС не как центр силы, а как «центр совокупного влияния региональных лидеров трех континентов», как «глобальный незападный проект» (Global Non-West Project) [Ильин, Леонова, 2017], как «крупнейшую платформу, в рамках которой страны декларируют общность политических интересов и направлены против несправедливого финансового, экономического и политического доминирования развитых стран» [Коломейцева, Коломейцев, 2017]. Андрей Виноградов отмечает, что в БРИКС нет и не может быть лидера. В отличие от стран «большой семерки» — источника глобализации по западному образцу, — БРИКС стремится сохранить многообразие, так как единообразие не соответствует природе БРИКС. Сила БРИКС не столько во влиянии, сколько в возможности предложить разные проекты, рассчитанные на длительную перспективу [Виноградов, 2013]. Таким образом, отмечаемую многими экспертами институциональную аморфность БРИКС можно интерпретировать не как слабость, а как возможность реализации современных форм взаимодействия, и с помощью такого фрейма позиционировать это качество как важный компонент нарратива идентичности. В то же время стоит избегать формул типа «незападный проект», так как определение собственной идентичности через противопоставление другому субъекту международных отношений придает нарративу вторичный характер и, таким образом, снижает его эффективность.
4. Сетевой формат взаимодействия между странами БРИКС. Для обсуждения различных вопросов создаются отдельные структуры и форумы (парламентский, гражданский, молодежный и академический форумы, форум молодых дипломатов, форум по вопросам здорового образа жизни, торговая ярмарка БРИКС, конклав дружественных городов БРИКС, совет экспертных центров), проводятся спортивные и культурные мероприятия. Всего в рамках БРИКС действует более 70 треков по линии министерств, ведомств, общественных и неправительственных организаций по различным направлениям сотрудничества [Толорая, 2017].

История создания и развития БРИКС

Аббревиатура БРИК появилась в 2001 г. в докладе старшего аналитика Goldman Sachs Джима О'Нила как обозначение группы наиболее динамичных и перспективных с точки зрения привлечения инвестиций государств, которые в будущем должны превзойти по основным экономическим показателям страны «большой семерки». Поскольку впоследствии сообщество БРИКС стало реальным и жизнеспособным проектом, в настоящее время история БРИКС постепенно наполняется яркими и интересными подробностями. Например, президент России Владимир Путин недавно признался, что идея создания сообщества БРИК возникла в ходе бесед с председателем КНР Ху Цзиньтао в Константиновском дворце в Санкт-Петербурге в 2006 г. [Толорая, 2017]. Нет сомнений, что такие подробности будут появляться и впредь.

Эффективным компонентом истории создания является противопоставление нового проекта существовавшей до него реальности, которую он призван изменить к лучшему. Коммуникативный прием «актуализация образа антагониста» дает возможность придать проекту имидж «героя», который призван одержать победу над силами «зла», доминировавшими в прежней реальности. Для БРИКС таким антагонистом является однополярный мир, в котором одна сверхдержава стремится к обладанию всей полнотой власти в мировой политике. БРИКС – прогрессивная сила, стремящаяся сделать мировой порядок более справедливым. Яркие черты образу однополярного мира придает его сравнение с «законом джунглей», – так охарактеризовал однополярный мир в своем выступлении на Бизнес-форуме БРИКС 3 сентября 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин [Xinhua, 2017].

Значимый опыт в прошлом

В истории БРИКС значимый опыт можно представить в виде восходящего тренда взаимодействия, начавшегося с консультаций по отдельным вопросам и созревшего к настоящему времени до полноценного сотрудничества по множеству направлений, включая ежегодные саммиты руководителей стран БРИКС. История БРИКС с момента его возникновения характеризуется как «золотое десятилетие». В Сямэньской декларации прямо провозглашается начало «второго золотого десятилетия сотрудничества и солидарности стран БРИКС» [БРИКС, 2017b].

Важным представляется и то обстоятельство, что страны БРИКС стремятся продемонстрировать общий подход к переломным событиям в истории. На встрече министров иностранных дел стран БРИКС, проходившей 18–19 июня 2017 г. в Пекине, декларировалось «твердое намерение решительно отвергать непрекращающиеся попытки исказить результаты Второй мировой войны» [БРИКС, 2017a].

Эффективным коммуникационным приемом является также ассоциация с образом великой личности, обладающей общепризнанным моральным авторитетом. Саммит БРИКС 2018 г. в Йоханнесбурге проходил под эгидой столетия со дня рождения Нельсона Манделы. Президент России Владимир Путин в своем выступлении на открытии саммита отметил, что Нельсон Мандела « всю свою жизнь продвигал и защищал принципы равенства, открытости и справедливости». По словам Путина, «именно на таких принципах строится сотрудничество государств БРИКС», которое «уже приобрело характер подлинно стратегического партнерства» [Путин, 2018].

Взгляд в будущее

Выступления глав государств на саммите БРИКС в Сямэне в 2017 г. и в Йоханнесбурге в 2018 г. позволяют определить задачи, решение которых даст возможность повысить эффективность взаимодействия стран «пятерки» и будет способствовать достижению стратегических целей сообщества:

- Использование возможностей новой промышленной революции.
- Акцент на развитии человеческого капитала. По словам премьер-министра Индии Нарендра Моди, принципиально важным становится постоянное развитие профессиональных компетенций и обеспечение доступности качественного образования для всех слоев общества [India Today, 2018].
- Усиление взаимодополняемости стратегий развития.
- Улучшение стратегической коммуникации и взаимного доверия. Это особенно важно, так как решения принимаются на основе уважения путей и моделей развития каждого, посредством взаимных консультаций, а не какой-либо одной страной.
- Акцент на инновационных проектах, ориентированных на результат, во многих сферах, включая экономику, торговлю, финансы, науку, образование, технологии, культуру, здравоохранение.
- Разработка «мер БРИКС» и «действий БРИКС» по ключевым международным и региональным проблемам, что, помимо прочего, будет способствовать распространению «дискурса БРИКС».

Контуры образа будущего, которые вырисовываются на страницах документов саммитов и выступлениях руководителей стран БРИКС, выглядят следующим образом:

- справедливый международный порядок, при котором развивающиеся страны будут играть более активную роль в глобальном управлении;
- открытая, инклюзивная, сбалансированная и выгодная всем экономическая глобализация, построенная на многостороннем торговом режиме, противодействующая протекционизму, поддерживающая глобальный рост и способствующая усилиям по преодолению дисбаланса в развитии между Севером и Югом.

Надежду на то, что эти цели могут быть достигнуты, вселяет эффективность институтов БРИКС. Э. Кокотсис приводит данные, в соответствии с которыми в целом БРИКС демонстрирует несколько более высокий уровень исполнения обязательств, чем «Группа двадцати» (+0,48 и 0,41 соответственно, по шкале от 0 до 1)² [Кокотсис, 2017].

Пространственное измерение

То обстоятельство, что страны «пятерки» расположены на разных континентах, и, как следствие, сообщество БРИКС не представляет собой географического единства, в принципе, можно было бы считать фактором, осложняющим взаимодействие. Выступая на саммите в Сямэне, Си Цзиньпин процитировал древнюю китайскую поговорку: «Партнерство, выкованное правильным подходом, бросает вызов географическому

² Исполнение обязательств оценивалось по следующей шкале: 1) «+1» за полное или близкое к полному исполнение обязательства; 2) «-1» за невыполнение обязательства; 3) «0» за частичное исполнение или ведущуюся работу по выполнению обязательства, а также за невозможность его выполнить (С. 198).

расстоянию; оно прочнее клея и тверже металла и камня» [Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 2017].

Важно также иметь в виду, что в условиях всеобъемлющей глобализации и развития цифрового общества географическая удаленность перестает быть серьезным препятствием для сотрудничества. Нарендра Моди в своем выступлении на саммите БРИКС в Йоханнесбурге подчеркивал, что цифровые платформы, автоматизация и технологии обработки больших данных позволяют снять географические расстояния [India Today, 2018]. Более того, успешное взаимодействие стран, расположенных в разных регионах мира, дает возможность на практике доказать эффективность принципов гибкости, открытости и инклюзивности, лежащих в основе нарратива БРИКС.

Интерес с точки зрения пространственного измерения представляют также новые механизмы расширения влияния БРИКС.

Во-первых, это формат «аутрич» (outreach), который впервые был реализован на саммите БРИКС в Дурбане в 2013 г. Его суть состоит в том, что страна, проводящая саммит, приглашает к участию в саммите государства своего региона. В 2018 г. саммит БРИКС снова принимала ЮАР. Поэтому к участию в Йоханнесбургском саммите в формате «аутрич» были приглашены лидеры девяти африканских государств: Руанды, Сенегала, Габона, Уганды, Эфиопии, Того, Замбии, Намибии, Анголы, а также председатель Комиссии Африканского союза Мусса Факи Махамат.

В 2017 г. Китай предложил расширить формат «аутрич» и выдвинул инициативу БРИКС+, в рамках которой к участию в саммите приглашаются не только государства, сопредельные по отношению к стране, принимающей саммит, но и страны, расположенные в разных регионах планеты, которые потенциально могут стать постоянными партнерами БРИКС. В рамках инициативы БРИКС+ саммит в Сямэне посетили руководители Египта, Мексики, Таиланда, Таджикистана и Гвинеи. С учетом того, что в 2018 г. главной темой обсуждений в формате БРИКС+ стала проблема устойчивого и инклюзивного роста для процветания Глобального Юга, ЮАР пригласила к участию в БРИКС+ руководителей тех стран, которые представляют региональные экономические сообщества Глобального Юга: Аргентины (председатель «Группы двадцати» и член группы МЕРКОСУР), Индонезии (сопредседатель Нового Афро-азиатского партнерства с Южной Африкой и влиятельный член АСЕАН), Египта (председатель «Группы семидесяти семи»), Ямайки (будущий председатель КАРИКОМ), Турции (председатель Организации исламского сотрудничества).

Фактически форматы «аутрич» и БРИКС+ представляют собой инструменты мягкого вовлечения стран, географически удаленных и расположенных в разных регионах мира, в совместную деятельность по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Отношения с другими сообществами

Что касается отношения к другим странам, то эксперты, точка зрения которых отражает позицию координационных органов группы БРИКС, подчеркивают, что сообщество ни в коем случае не противопоставляет себя какой-либо стране или группе стран, в том числе США и ЕС. Как отмечает Георгий Толорая, БРИКС не только не является «антизападным альянсом», но это было бы и невозможно по причине того, что большая часть экономических и культурных связей стран БРИКС приходится на западные страны, а не друг на друга. БРИКС рассматривает Запад в качестве партнера, с которым можно и нужно выстраивать тесные, взаимовыгодные и равноправные отношения [Толорая, 2017].

Проблемные нарративы

Проблемный нарратив (issue narrative) описывает целесообразность и принципы реализации определенного курса действия в отношении важной проблемы, стоящей на повестке дня. Проблемный нарратив определяет, в чем заключается проблема или конфликт, и дает ответ на вопрос о том, каким образом они могут быть разрешены. Каролин ван Ноорт ключевым проблемным нарративом БРИКС считает нарратив инфраструктурного развития, который предполагает мобилизацию инвестиционной активности в сфере инфраструктурных проектов и развитие физической инфраструктуры [Noort van, 2017].

В 2018 г. на первый план вышел нарратив развития африканского континента, в рамках которого проблемы инфраструктуры занимают центральное место. Десятый саммит БРИКС в Йоханнесбурге прошел под девизом «БРИКС в Африке: сотрудничество для достижения инклюзивного роста и всеобщего процветания в эпоху Четвертой промышленной революции». Участники БРИКС обратили внимание на необходимость развития африканского континента, индустриализации стран Африки, раскрытия потенциала внутриафриканской торговли, который в Йоханнесбургской декларации назван «колоссальным» [БРИКС, 2018].

В настоящее время ключевое значение в качестве проблемного нарратива БРИКС приобретает Четвертая промышленная революция. Для реализации ее потенциала создано Партнерство БРИКС по вопросам новой промышленной революции, в задачи которого входит содействие экономической трансформации стран БРИКС, создание сети научных парков и технологических бизнес-инкубаторов, поддержка малых и средних предприятий высокотехнологичных секторов. Центральным элементом нарратива Четвертой промышленной революции является принцип инклюзивности, который рассматривается через необходимость решения двух взаимосвязанных задач: с одной стороны, принятие мер, направленных на сокращение цифрового разрыва между развитыми и развивающимися странами (в том числе через создание механизмов передачи соответствующих технологий), а с другой – обучение кадров, развитие профессиональных навыков в соответствии с требованиями экономики, основанной на технологиях и знаниях (в том числе посредством развития качественного ученичества) [БРИКС, 2018].

Магистральный нарратив и контрнарративы

Магистральный нарратив, в отличие от любых других нарративов, существующих в сообществе, обеспечивает сообщество базовым дискурсом, способствует легитимации стратегического курса, гарантирует такое самоощущение членов сообщества, которое обеспечивает, по словам Феликса Беренскэттера, «социетальную безопасность», иными словами, дает ответы на экзистенциальные вопросы, связанные со смыслом и целями существования сообщества [Berenskoetter, 2014].

Для поддержания целостности сообщества магистральный нарратив должен быть в определенной степени абстрактным, чтобы не противоречить производным, более специализированным нарративам, которые могут использоваться в стратегических целях без нанесения ущерба когерентности основного дискурса. Магистральный нарратив и множество производных нарративов образуют сеть нарративов, поддержание которой является важной функцией системы управления сообществом.

В то же время важно иметь в виду, что разработка и поддержание нарратива включает в себя интерпретацию событий и явлений, и, таким образом, этот процесс открыт для соревнования различных концепций и точек зрения. В любом сообществе существуют альтернативные образы прошлого, настоящего и будущего. Часто перед магистральным нарративом стоит задача сглаживания противоречий, нестыковок, разрывов в траектории развития сообщества. И каким бы образом люди, отвечающие за разработку и поддержание нарратива, ни стремились решить эту задачу, в нарративе могут быть заметны «швы», возникающие в результате соединения отдельных, мало сочетающихся между собой частей нарратива.

В БРИКС магистральный нарратив находит свое выражение прежде всего в выступлениях руководителей государств, декларациях по итогам саммитов на высшем уровне, заявлениях министров. Что касается контрнарративов, они формируются в первую очередь в новостных сообщениях и аналитических материалах экспертов. Разногласия между странами могут фреймироваться отдельными СМИ таким образом, чтобы они выглядели существенными и потенциально наносящими ущерб сотрудничеству [Dimitriu, Graaf de, 2016]. Например, в опубликованных в авторитетных СМИ комментариях, приуроченных к саммиту БРИКС на Гоа, упоминалась напряженность в отношениях между Индией и Китаем в качестве фактора, разрушающего сотрудничество стран – членов пятерки [Строкань, 2016; Sibal, 2016]. Эта напряженность вызвана территориальными противоречиями, деятельностью поддерживаемых Пакистаном террористических групп (пожелание Индии упомянуть эти группы в итоговой декларации саммита в Гоа было заблокировано по инициативе Китая) и предполагаемой склонностью индийского руководства к более тесным отношениям с США. Эти проблемы действительно существуют, но в то же время необходимо иметь в виду, что уже в следующем году Китаю и Индии удалось разрешить ряд спорных вопросов [Вести. Экономика, 2017], а пожелание Дели публично квалифицировать деятельность поддерживаемых Пакистаном группировок в качестве террористической было выполнено: они были упомянуты в итоговой декларации саммита БРИКС в Сямэне в одном ряду с ИГИЛ и «Аль-Каидой» [БРИКС, 2017а].

Контрнарративы БРИКС достаточно заметны в медийном пространстве. Авторы ряда академических работ и аналитических материалов обращают внимание на асимметричное соотношение сил между странами БРИКС [Brutch, Para, 2013; Degaut, 2015; Abdenur, Folly, 2015; Noort van, 2017]. Ущерб нарративу БРИКС может нанести разделение сообщества на страны ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка), с одной стороны, и Россию и Китай – с другой [van Noort, 2017]. Экономический спад нанес ущерб когерентности нарратива, позиционирующего БРИКС в качестве объединения растущих экономик.

Кроме того, важно обратить внимание на такую потенциальную «точку разрыва» в когерентности магистрального нарратива БРИКС, как вопрос о роли негосударственных акторов и гражданского общества в развитии сообщества. С одной стороны, их активное участие стало бы наглядным воплощением принципа инклюзивного участия, являющегося важным компонентом нарратива идентичности БРИКС. С другой, центральное место в нарративе БРИКС занимают суверенные государства и сообщества суверенных государств, а не институты гражданского общества. Представляется, что их вовлечение во взаимодействие государств БРИКС (начиная с упоминания их роли в выступлениях глав государств и министров, декларациях по итогам саммитов) даст возможность повысить устойчивость и эффективность магистрального нарратива.

Стратегические нарративы и стратегическая культура

Маркос Дега в докладе «Имеет ли значение БРИКС?» оперирует понятием «стратегическая культура», под которой он подразумевает фундаментальную культурную предрасположенность к определенному типу стратегического мышления и поведения. Стратегическая культура предопределяет постановку целей внешней политики, отражая идентичность и фундаментальные интересы государства. На стратегическую культуру оказывают влияние история страны, географическое положение, национальные мифы и символы, политические традиции и институты. Понимание стратегической культуры дает возможность выявить причины повторяющихся паттернов поведения государства и, таким образом, сформировать представление о его действиях в будущем. Автор достаточно подробно анализирует стратегические культуры стран БРИКС и приходит к выводу о их несовместимости, что затрудняет формирование устойчивого объединения, обладающего четкой институциональной структурой и реализующего единый стратегический курс [Degaut, 2015].

В то же время важно отметить, что различия в стратегических культурах могли бы стать препятствием в том случае, если бы БРИКС стремилась стать жестко структурированной, замкнутой и обладающей строгой иерархией организацией. Однако БРИКС позиционирует себя как сообщество, основанное преимущественно на горизонтальных связях, в котором отсутствует иерархия и все члены равноправны между собой. В этих условиях различия в культурах стран «пятерки» представляет собой скорее преимущество, а не препятствие для развития сотрудничества. Элла Кокотсис справедливо отмечает, что политическое, экономическое, культурное и религиозное разнообразие формирует дополнительные стимулы для критического анализа предлагаемых решений, способствует выработке инновационных подходов, создает механизмы обмена наилучшими практиками, помогает выстраивать более эффективные стратегии взаимодействия и достигать лучшего понимания политических позиций государств-партнеров. Это, в свою очередь, способствует созданию эффективного механизма принятия коллективных решений [Кокотсис, 2017].

Каждая из стран БРИКС в той или иной степени обладает значительными политическими и экономическими амбициями, тем не менее все они являются мирными государствами и стремятся достигать своих целей, избегая войн и вооруженных конфликтов, уважая суверенитет других стран. Эта особенность не является ситуативной, она имеет глубокие исторические корни, представляя собой важный компонент стратегической культуры каждого из членов «пятерки». Данная общая черта дает возможность формирования исключительно гибкого сообщества, способного сохранять устойчивость в длительной перспективе.

Обращаясь к вопросу о соотношении стратегической культуры и стратегического нарратива, можно предположить, что в масштабах отдельного государства стратегический нарратив является производным по отношению к стратегической культуре. В значительной мере стратегическая культура — фундамент, на основе которого разрабатываются новые стратегические нарративы государства. Стратегическая культура формируется и дает о себе знать в течение столетий, в то время как стратегический нарратив действует в масштабах лет и десятилетий. Поэтому, учитывая, что БРИКС как сообщество появилось около десяти лет назад, собственная стратегическая культура просто не успела сформироваться. В настоящее время можно говорить только о стратегических культурах отдельных государств, составляющих БРИКС.

Кроме того, важно иметь в виду, что стратегическая культура – важный, но не единственный фактор формирования стратегического нарратива государства. Как уже отмечалось выше, стратегический нарратив формируется не спонтанно, а разрабатывается исходя из актуальных стратегических целей с учетом текущей внутривнутриполитической и международной повестки дня. И хотя базовые императивы стратегической культуры, по-видимому, постоянны, внешнеполитическая практика и разработка стратегических нарративов способны обогатить стратегическую культуру страны новым опытом, который может сделать ее более адаптивной к происходящим в мире изменениям и к участию в международных объединениях.

Таким образом, стратегические нарративы не только производны по отношению к стратегической культуре, но и оказывают влияние на ее развитие. В государствах, имеющих длительную историю, стратегическая культура – основа для разработки стратегических нарративов, тогда как в сообществах, возникших недавно, последовательная разработка и реализация стратегических нарративов способны привести к постепенному возникновению стратегической культуры.

В заключение можно отметить, что процесс развития БРИКС, выработка позиций по ключевым вопросам глобальной повестки, новые проекты и инициативы, наличие определенного видения прошлого и контуры образа будущего, четкое понимание того, какие существуют недостатки действующего мирового порядка, активное продвижение ценностей и принципов взаимодействия дают возможность разработать полноформатный стратегический нарратив БРИКС. Более того, в формирующемся стратегическом нарративе явным образом присутствуют контуры ядра идентичности сообщества, описываемого терминами «дух БРИКС» и «философия БРИКС», которые подразумевают многосторонность, равноправие, инклюзивность, идею совместных действий в решении наиболее важных стратегических задач, понимание развития и роста влияния как «мягкого восхождения», гибкость, сетевой формат взаимодействия и т.д. Руководители стран БРИКС признают необходимость развития и распространения дискурса БРИКС не только посредством использования существующих каналов коммуникации, но также и путем «акций БРИКС» и «действий БРИКС». В стратегическом нарративе БРИКС заметны элементы сторителлинга, проявляющиеся в историях о том, как появилась идея образования межгосударственного объединения, в использовании эмоционально окрашенных характеристик, метафор, а также пословиц, образно описывающих действия и цели сообщества. Использование коммуникационного приема «актуализация образа антагониста» укрепляет имидж БРИКС как реально существующей прогрессивной силы, выступающей за справедливый, многосторонний и инклюзивный мир будущего в противоположность конфликтному, одностороннему, поляризованному миру прошлого.

Представляется, что в ходе дальнейшей работы над стратегическим нарративом БРИКС имеет смысл решить ряд задач:

- Разработка концепта, который отражал бы структуру и основные положения стратегического нарратива БРИКС и при этом выглядел бы убедительным и привлекательным ключевым сообщением; такой концепт может быть выражен, например, словосочетаниями «БРИКС как платформа» или «БРИКС как глобальная сеть», продолжающими логический ряд уже существующих и популярных концептов («государство как платформа», «умный город» и т.д.).
- Сглаживание противоречий нарратива, таких как незначительная роль негосударственных акторов и гражданского общества, асимметрия в соотношении России и Китая (которые являются крупнейшими геополитическими акторами, а Китай к тому же значительно опережает другие страны БРИКС по объему ВВП),

с одной стороны, и остальных членов «пятерки» – с другой, замедление темпов экономического роста, вопрос об институциональной аморфности БРИКС.

– Увеличение эмоционального воздействия стратегического нарратива посредством таких инструментов, как визуализация и сторителлинг.

– Продвижение в авторитетных средствах массовой информации магистрального нарратива БРИКС в противовес существующим контрнарративам, а также в докладах и материалах ведущих аналитических центров.

– Создание информационных поводов по как можно большему количеству вопросов мировой повестки, что приведет к расширению дискурса БРИКС и увеличит разнообразие стратегического нарратива в целом.

– Формирование и продвижение семантического ядра сообщества и облака (хеш) тегов, отражающих ценности и ключевые слова «духа БРИКС» и «философии БРИКС», такие как «многосторонность», «инклюзивность», «гибкость», «мягкое восхождение», «открытость», «справедливость», «равноправие», «многообразие», «развитие через сотрудничество», «аутрич», «БРИКС+» и т.д.

– Активное продвижение проектов БРИКС, реализуемых в рамках различных треков взаимодействия, а также дискурса БРИКС, в социальных сетях (Facebook, Instagram, ВКонтакте).

– Разработка и продвижение качественного видеоконтента (в первую очередь на платформе YouTube), включающего проморолики, новостные передачи, интервью, экспертные выступления, дебаты, посвященные наиболее актуальным вопросам взаимодействия в рамках БРИКС.

– Привлечение лидеров общественного мнения (политиков, актеров, звезд шоу-бизнеса, теле- и радиоведущих, популярных блогеров и авторов YouTube-каналов) к продвижению повестки и дискурса БРИКС.

– Дальнейшее использование приема «актуализация образа антагониста» для позиционирования БРИКС как прогрессивного объединения будущего, что должно подразумевать его неявное противопоставление существующим вертикально интегрированным западным альянсам как архаичным структурам прошлого.

Решение этих задач можно было бы возложить на специально созданное межгосударственное коммуникационное партнерство (или агентство), в функции которого входило бы не просто информационное сопровождение деятельности БРИКС, а в первую очередь – разработка и реализация полноформатной коммуникационной стратегии, способствующей улучшению имиджа и достижению стратегических целей БРИКС на международной арене. Собственно, формирование диверсифицированного и гибкого стратегического нарратива БРИКС должно стать основой для разработки такой коммуникационной стратегии. В долгосрочной перспективе создание и поддержание эффективного стратегического нарратива может стать одним из факторов формирования общей стратегической культуры, которая (в том случае, если она сформируется) станет надежным фундаментом для устойчивого взаимодействия стран – членов сообщества.

Источники

БРИКС (2017a) Сообщение по итогам встречи министров иностранных дел государств БРИКС. Китай, Пекин. 18–19 июня. Режим доступа: <https://brics.mid.ru/-/soobsenie-po-itogam-vstreci-ministrov-inostrannyh-del-gosudarstv-briks-kitaj-pekina-18-19-iuna-2017-go-1?inheritRedirect=true&redirect=%2Fdocuments> (дата обращения: 28.12.2017).

БРИКС (2017b) Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС. Сямэнь, Китай. 4 сентября. Режим доступа: https://brics.mid.ru/document/-/asset_publisher/VmQiT11AUALV/content/samen-skaa-

deklaracia-rukovoditelej-stran-briks-samen-kitaj-4-sentabra-2017-goda?redirect=%2Fdocuments&inheritRedirect=true (дата обращения: 28.12.2017).

БРИКС (2018) Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС. 25–27 июля. Режим доступа: https://brics.mid.ru/ru_RU/documents/-/asset_publisher/ndD7kQcV7izz/content/johannesburgskaa-deklaracia-desatogo-sammita-briks?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Fbrics.mid.ru%3A443%2Fru_RU%2Fdocuments%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_ndD7kQcV7izz%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-1%26p_p_col_count%3D6 (дата обращения: 15.10.2018).

Вести.Экономика (2017) Индия и Китай заморозили гималайскую проблему. Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/articles/91118> (дата обращения: 15.10.2018).

Виноградов А.В. (2013) Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира. Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты / В.А. Никонова, Г.Д. Толорая (ред.). Режим доступа: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b39f/676c/7631/4009/0000/original/strategiya-rossii-v-briks-tseli-i-instrumenty.pdf?1408705835 (дата обращения: 10.04.2019).

Ильин И.В., Леонова О.Г. (2017) Зарубежные подходы к анализу феномена трансрегионализма БРИКС // Сравнительная политика. Т. 8. № 2. С. 130–139.

Кокотсис Э. (2017) «Группа двадцати» и БРИКС: повышение легитимности решений // Вестник международных организаций. Т. 12. № 2. С. 194–210.

Коломейцева Н.А., Коломейцев Ю.Ю. (2017) БРИКС: институциональные возможности России для реализации Азиатско-Тихоокеанского вектора политики // Международный научно-исследовательский журнал. № 4 (58). Ч. 2. С. 124–126.

Лавров С.В. (2015) Обращение Министра иностранных дел России С.В. Лаврова к читателям журнала «Международная жизнь», опубликованное в спецномере журнала «БРИКС Уфа – 2015». Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1548987 (дата обращения: 25.12.2017).

Никонов В.А. (2012) От Концерта держав к Концерту цивилизаций // Стратегия России. № 11. Режим доступа: http://www.spa.msu.ru/uploads/files/publikazii/nikonov_koncert_civilizatsiy.pdf (дата обращения: 25.12.2017).

Путин В.В. (2017) Владимир Путин принял участие во встрече лидеров БРИКС, состоявшейся в рамках двухдневного саммита БРИКС в городе Сямэнь в Китае. Режим доступа: <https://brics.mid.ru/-/sammit-bri-1?inheritRedirect=true&redirect=%2F> (дата обращения: 27.12.2017).

Путин В.В. (2018) Выступление на заседании саммита БРИКС в расширенном составе. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/58105> (дата обращения: 15.10.2018).

Строкань С. (2016) БРИКС становится слишком многополярным. Саммит в Гоа выявляет проблемы альянса // Коммерсантъ. 14 октября. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3114823> (дата обращения: 09.04.2019).

Толорая Г. (2017) БРИКС на пути к межцивилизационному союзу? // Российская газета. 25 августа. Спецвыпуск № 7537 (191). Режим доступа: <https://rg.ru/2017/08/25/kakovy-perspektivy-sammita-briks.html> (дата обращения: 09.04.2019).

Abdenur A.E., Folly M. (2015) The New Development Bank and the Institutionalization of the BRICS // *Revolutions: Global Trends and Regional Issues*. Vol. 3. No. 1. P. 66–92.

Antoniades A., O'Loughlin B., Miskimmon M. (2010) Great Power Politics and Strategic Narratives. Center for Global Political Economy. Working Paper No. 7. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/264156520_Great_Power_Politics_and_Strategic_Narratives (дата обращения: 27.12.2017).

Archetti C. (2010) Terrorism, Communication and the War of Ideas: Al-Qaida's Strategic Narrative as a Brand. Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Suntec Singapore International Convention & Exhibition Centre, Suntec City. Режим доступа: https://www.academia.edu/221753/_Terrorism_Communication_and_the_War_of_Ideas_Al-Qaidas_Strategic_Narrative_as_a_Brand_?auto=download (дата обращения: 29.12.2017).

- Berenskoetter F. (2014) Parameters of a National Biography // *European Journal of International Relations*. Vol. 20. No. 1. P. 262–288.
- Brutch C., Papa M. (2013) Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? // *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 6. No. 3. P. 299–327.
- Degaut M. (2015) Do the BRICS still matter? A Report of the CSIS Americas Program. Center for Strategic & International Studies. October 2015. Режим доступа: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf (дата обращения: 29.12.2017).
- Dimitriu G., Graaf B. de (2016) Fighting the war at home: Strategic narratives, Elite responsiveness, and the Dutch mission in Afghanistan, 2006–2010 // *Foreign Policy Analysis*. Vol. 12. No. 1. P. 2–23.
- Douglas F. (2008) The Year After Zarqawi: Strategic Narratives. Peripheral Operations & Central Visions in the “Long War”. Paper presented at ISA 2008 Annual Convention, San Francisco.
- Freedman L. (2013) *Strategy: A History*. N.Y.: Oxford University Press.
- Hartig F. (2015) Communicating China to the World: Confucius Institutes and China’s Strategic Narratives // *Politics*. Vol. 35. No. 3–4. P. 245–258.
- India Today (2018) India to work with BRICS states for technology revolution // *India Today*. July 27. Режим доступа: <https://www.indiatoday.in/india/story/modi-brics-2018-india-4th-industrial-revolution-1297585-2018-07-27> (дата обращения: 15.10.2018).
- Khaldarova I., Pantti M. (2016) Fake News: The Narrative Battle over the Ukrainian Conflict // *Journalism Practice*. Vol. 10. No. 7. P. 891–901.
- Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China (PRC) (2017) Full Text of President Xi’s Remarks at Plenary Session of BRICS Xiamen Summit. 4 September. Режим доступа: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170904_1906.html (дата обращения: 27.12.2018).
- Miskimmon A., O’Loughlin B. (2017a) Russia’s Narratives of Global Order: Great Power Legacies in a Polycentric World // *Politics and Governance*. Vol. 5. No. 3. P. 111–120.
- Miskimmon A., O’Loughlin B. (2017b) Understanding international order and power transition: A strategic narrative approach. Forging the world: Strategic narratives and international relations / A. Miskimmon, B. O’Loughlin, L. Roselle (eds). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. P. 276–310.
- Natarajan K. (2014) Digital Public Diplomacy and a Strategic Narrative for India // *Strategic Analysis*. Vol. 38. No. 1. P. 91–106.
- Noort C. van (2017) Study of Strategic Narratives: The Case of BRICS // *Politics and Governance*. Vol. 5. No. 3. P. 121–129.
- Risse T. (2011) Ideas, discourse, power and the end of the Cold War: 20 years on // *International Politics*. Vol. 48. No. 4–5. P. 591–606.
- Roselle L. (2010) Strategic Narratives of War: Fear of Entrapment and Abandonment During Protracted Conflict. APSA Annual Meeting Paper. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1643331 (дата обращения: 27.12.2017).
- Salmon C. (2017) *Storytelling: Bewitching the Modern Mind*. L.; N.Y.: Verso.
- Sibal K. The Diminishing Returns of the BRICS Meeting. Mail Online India. Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/indiahome/indianews/article-3831417/The-diminishing-returns-BRICS-meeting.html> (дата обращения: 15.10.2018).
- Xinhua (2017) Full Text of President Xi’s Speech at Opening Ceremony of BRICS Business Forum. 4 September. Режим доступа: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170904_1887.html (дата обращения 27.12.2018).
- Zeng J., Breslin S., Xiao Y. (2015) Securing China’s core interests: The state of the debate in China // *International Affairs*. Vol. 91. No. 2. P. 245–266.
- Zeng J. (2017) Does Europe Matter? The Role of Europe in Chinese Narratives of ‘One Belt One Road’ and ‘New Type of Great Power Relations’ // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 55. No. 5. P. 1162–1176.

Issues in the Development of the BRICS' Strategic Narrative¹

S. Bogdanov

Sergei Bogdanov – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Strategic Communication, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; 20, 4 Lomonosovky Avenue, 119991, Moscow, Russian Federation; E-mail: Bogdanov@spa.msu.ru

Abstract

During the last decade the BRICS group of developing countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa) became a noticeable phenomenon in international relations. Discussion continues among politicians and experts about the group's perspective, its sustainability and its potential both for further institutionalization and to become a more integrated community. Many experts are pessimistic about the prospect that BRICS will gain more influence, taking account of slowing economic growth, economic asymmetry, different political goals and the distinct strategic cultures of the group's members.

Under such circumstances elaboration of a BRICS communication strategy becomes an issue of vital importance. The first step might be the design of a strategic BRICS narrative which could act as an interpretative platform framing the perception of key issues, establish the connection between the past and a vision of future, and designate the group's identity. Such a narrative could serve as the basis for strategic positioning, which is the key component of a communication strategy. It enables the formation of a basic discourse and key messages which can be transmitted through diversified channels of communication.

This article outlines the strategic narrative of BRICS, drawing from the model of strategic narrative and the concept of national biography. The narrative of the international system, the identity narrative and issue narratives are considered as key components of its strategic narrative. Similarly, parameters of national biography are exposed: myths about the birth of community, significant experiences in the past, images of the future, the spatial facet and relationships with other countries and communities. This analysis identifies those components of the strategic narrative that are sufficiently developed and describes ways to further elaborate others.

A constructivist approach is used, according to which a "strategic narrative" is considered to be social construct elaborated to achieve particular strategic goals, in combination with a holistic analysis which views the different tracks of BRICS activities as intertwined. Content analysis of documents from BRICS summits (primarily of the summits in Xiamen, China in 2017 and Johannesburg, South Africa) and public speeches by the leaders of BRICS countries is undertaken.

Key words: BRICS; strategic narratives; strategic communication; international relations

For citation: Bogdanov S. (2019) Issues in the Development of the BRICS' Strategic Narrative. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 2, pp. 173–190 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-07.

References

- Abdenur A.E., Folly M. (2015) The New Development Bank and the Institutionalization of the BRICS. *Revolutions: Global Trends and Regional Issues*, vol. 3, no 1, pp. 66–92.
- Antoniades A., O'Loughlin B., Miskimmon M. (2010) Great Power Politics and Strategic Narratives. CGPE Working Paper No 7, Centre for Global Political Economy. Available at: https://www.researchgate.net/publication/264156520_Great_Power_Politics_and_Strategic_Narratives (accessed 27 December 2017).
- Archetti C. (2010) Terrorism, Communication and the War of Ideas: Al-Qaida's Strategic Narrative as a Brand. Paper presented at the Annual Meeting of the International Communication Association, Suntec City, 22–26 June. Available at: https://www.academia.edu/221753/_Terrorism_Communication_and_the_War_of_Ideas_Al-Qaidas_Strategic_Narrative_as_a_Brand_?auto=download (accessed 29 December 2017).

¹ The editorial board received the article in January 2018.

Berenskoetter F. (2014) Parameters of a National Biography. *European Journal of International Relations*, vol. 20, no 1, pp. 262–288.

BRICS (2018) Johannesburg Declaration. Johannesburg, 25–27 July. Available at https://brics.mid.ru/en_GB/documents/-/asset_publisher/ndD7kQcV7izz/content/johannesburgskaa-deklaracia-desatogo-sammita-briks?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Fbrics.mid.ru%3A443%2Fen_GB%2Fdocuments%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_ndD7kQcV7izz%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-1%26p_p_col_count%3D6 (accessed 15 October 2018).

BRICS (2017a) Media Note of the Meeting of the BRICS Ministers of Foreign Affairs/International Relations, China, Beijing, 18–19 June. Available at: <https://brics.mid.ru/-/soobsenie-po-itogam-vstreci-ministrov-inostrannyh-del-gosudarstv-briks-kitaj-pekina-18-19-iuna-2017-go-1?inheritRedirect=true&redirect=%2Fdocuments> (accessed 28 December 2017).

BRICS (2017b) Xiamen Declaration. Xiamen, 4 September. Available at: https://brics.mid.ru/document/-/asset_publisher/VmQiT11AUALV/content/samen-skaa-deklaracia-rukovoditelej-stran-briks-samen-kitaj-4-sentabra-2017-goda?redirect=%2Fdocuments&inheritRedirect=true (accessed 28 December 2017).

Brutch C., Papa M. (2013) Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 6, no 3, pp. 299–327.

Degaut M. (2015) Do the BRICS Still Matter? A Report of the CSIS Americas Program. Center for Strategic & International Studies, October. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf (accessed 29 December 2017).

Dimitriu G., de Graaf B. (2016) Fighting the War at Home: Strategic Narratives, Elite Responsiveness, and the Dutch Mission in Afghanistan, 2006–2010. *Foreign Policy Analysis*, vol. 12, no 1, pp. 2–23.

Douglas F. (2008) The Year After Zarqawi: Strategic Narratives. Peripheral Operations & Central Visions in the “Long War.” Paper presented at the Annual Meeting of the International Studies Association, San Francisco, 26–29 March.

Freedman L. (2013) *Strategy: A History*. N.Y.: Oxford University Press.

Hartig F. (2015) Communicating China to the World: Confucius Institutes and China’s Strategic Narratives. *Politics*, vol. 35, no 3–4, pp. 245–258.

India Today (2018) India to Work with BRICS States for Technology Revolution, 27 July. Available at: <https://www.indiatoday.in/india/story/modi-brics-2018-india-4th-industrial-revolution-1297585-2018-07-27> (accessed 15 October 2018).

Ilyin I.V., Leonova O.G. (2017) Zarubezhnye podhody k analizu fenomena transregionalizma BRIKS [International Approaches to the Analysis of the Phenomena of BRICS Transregionalism]. *Comparative Politics Russia*, vol. 8, no 2, pp. 130–139 (in Russian).

Khaldarova I., Pantti M. (2016) Fake News: The Narrative Battle Over the Ukrainian Conflict. *Journalism Practice*, vol. 10, no 7, pp. 891–901.

Kokotsis E. “Gruppa dvadcati” i BRIKS: povyshenie legitimnosti reshenij [G20 and BRICS: Enhancing Delivery Legitimacy]. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 2, pp. 194–210 (in Russian and English).

Kolomeitseva N.A., Kolomeitsev Y.Y. (2017) BRIKS: institucional’nye vozmozhnosti Rossii dlja realizacii Aziatsko-Tihookeanskogo vektora politiki [BRICS: Russia’s Institutional Opportunities for Executing the Asia Pacific Direction of Its Policy]. *International Journal of Science*, vol. 2, no 4 (58), pp. 124–126 (in Russian).

Lavrov S.V. (2015) Address of Sergei Lavrov, Minister of Foreign Affairs of Russia, to Readers of the International Affairs Journal Published in the Special Issue “BRICS Ufa-2015.” Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1548987 (accessed 25 December 2017).

Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China (PRC) (2017) Full Text of President Xi’s Remarks at Plenary Session of BRICS Xiamen Summit, 4 September. Available at: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170904_1906.html (accessed 27 December 2017).

Miskimmon A., O’Loughlin B. (2017a) Russia’s Narratives of Global Order: Great Power Legacies in a Polycentric World. *Politics and Governance*, vol. 5, no 3, pp. 111–120.

Miskimmon A., O'Loughlin B. (2017b) Understanding International Order and Power Transition: A Strategic Narrative Approach. *Forging the World: Strategic Narratives and International Relations* (A. Miskimmon, B. O'Loughlin, L. Roselle (eds)). Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 276–310.

Natarajan K. (2014) Digital Public Diplomacy and a Strategic Narrative for India. *Strategic Analysis*, vol. 38, no 1, pp. 91–106.

Nikonov V.A. (2012) Ot Koncerta derzhav k Koncertu civilizacij [From the Concert of Powers to the Concert of Civilizations]. *Strategy of Russia*, no 11. Available at: http://www.spa.msu.ru/uploads/files/publikazii/nikonov_koncert_civilizatsiy.pdf (accessed 25 December 2017) (in Russian).

Noort C. van (2017) Study of Strategic Narratives: The Case of BRICS. *Politics and Governance*, vol. 5, no 3, pp. 121–129.

President of Russia (2018) Vystuplenie na zasedanii sammita BRIKS v rasshirennom sostave [Speech at an Enlarged Session of the BRICS Summit]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/58105> (accessed 15 October 2018) (in Russian).

President of Russia (2017) Vladimir Putin prinjal uchastie vo vstreche liderov BRIKS, sostojavshejsja v ramkah dvuhdnevnogo sammita BRIKS v gorode Sjamjen' v Kitae [Vladimir Putin Took Part in a Meeting of the BRICS Leaders That Was Held Within the Framework of the Two-Day BRICS Summit in Xiamen, China]. Available at: <https://brics.mid.ru/-/sammit-bri-1?inheritRedirect=true&redirect=%2F> (accessed 27 December 2017) (in Russian).

Risse T. (2011) Ideas, Discourse, Power and the End of the Cold War: 20 Years On. *International Politics*, vol. 48, no 4–5, pp. 591–606.

Roselle L. (2010) Strategic Narratives of War: Fear of Entrapment and Abandonment During Protracted Conflict. Paper presented at the APSA Annual Meeting, Washington DC. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1643331 (accessed 27 December 2017).

Salmon C. (2017) *Storytelling: Bewitching the Modern Mind*. London, New York: Verso.

Sibal K. (2016) The Diminishing Returns of the BRICS Meeting. Mail Online India. 10 October. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/indiahome/indianews/article-3831417/The-diminishing-returns-BRICS-meeting.html> (accessed 15 October 2018).

Strokan' S. (2016) BRIKS stanovitsya slishkom mnogopolyarnym. Sammit v Goa vyyavlyaet problemy al'yansa [BRICS Is Becoming Too Multipolar. Summit in Goa Reveals Constraints of the Alliance]. *Kommersant*. 14 October. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3114823> (accessed 09 April 2019) (in Russian).

Toloraya G. (2017) BRIKS na puti k mezhcivilizacionnomu sojuzu? [BRICS on the Path to Intercivilizational Union?]. *Rossijskaja gazeta* [The Russian Newspaper]. 25 August. Special issue no 7537 (191) (in Russian). Available at: <https://rg.ru/2017/08/25/kakovy-perspektivy-sammita-briks.html> (accessed 09 April 2019).

Vesti.Ekonomika (2017). Indiya i Kitaj zamorozili gimalajskuyu problemu [India and China Had Frozen Himalayan Problem]. 19 September. Available at: <https://www.vestifinance.ru/articles/91118> (accessed 15 October 2018) (in Russian).

Vinogradov A.V. (2013) Dialogovyy format BRIKS i ego rol' v stanovlenii mnogopoljarnogo mira. *Strategija Rossii v BRIKS: celi i instrumenti* [Russia's Strategy in BRICS: Goals and Instruments] (V.A. Nikonov, G.D. Tolroya (eds)). Moscow: RUDN University, pp. 8–18 (in Russian). Available at: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b39f/676c/7631/4009/0000/original/strategiya-rossii-v-briks-tseli-i-instrumenty.pdf?1408705835 (accessed 10 April 2019).

Xinhua (2017) Full Text of President Xi's Speech at Opening Ceremony of BRICS Business Forum. 4 September. Available at: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170904_1887.html (accessed 27 December 2017).

Zeng J., Breslin S., Xiao Y. (2015) Securing China's Core Interests: The State of the Debate in China. *International Affairs*, vol. 91, no 2, pp. 245–266.

Zeng J. (2017) Does Europe Matter? The Role of Europe in Chinese Narratives of "One Belt One Road" and "New Type of Great Power Relations." *Journal of Common Market Studies*, vol. 55, no 5, pp. 1162–1176.